

18+

Анри Коломон

Ах, покойный месье де Монзак!

Из четверологии
романа «Франсуа и
Мальвази»

Анри Коломон

**Ах, покойный месьё де
Жонзак! Из четверологии
романа «Франсуа и Мальвази»**

«Издательские решения»

Коломон А.

Ах, покойный месьё де Жонзак! Из четверологии романа «Франсуа и Мальвази» / А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852047-1

Франция (или вообще Европа) начала 18-го века в сельской своей местности с выездами, необходимыми по затягивающим делам в город. Поместья и ещё остатки от феодальных времён с их отношениями силовыми. Замки, которые как любой дом — должны были продолжать являть из себя крепость. Отношения меж людьми все те же, знакомые: в борьбе за деньги и их заменяющее люди готовы гибнуть за металл и идти на всяческие преступления.

ISBN 978-5-44-852047-1

© Коломон А.

© Издательские решения

Содержание

Книга I. Ах, покойный месье де Жонзак!	6
Пролог. – де Морне – д'Обюссоны?	7
Глава II. Семейство Обюссонов	23
Глава III. Ночное происшествие, с последующим отъездом в Париж	30
Глава IV. Вьеннское совещание	37
Глава V. Разъезд	42
Глава VI. Кровавая развязка	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ах, покойный месьё де Жонзак!
Из четверологии романа
«Франсуа и Мальвази»

Анри Коломон

© Анри Коломон, 2017

ISBN 978-5-4485-2047-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга I. Ах, покойный месье де Жонзак!

Пора-пора-порадуемся
На своем веку
Красавице и кубку
Счастливому клинку!

Пока-пока-покачивая
Перьями на шляпе
Судьбе не раз шепну:
Мерси боку! Мерси боку!

Опять скрепит —
По-тер-тое седло
И ветер бередит
Былую рану...

Куда ж вас сударь!
К черту занесло?
Не уж-то вам покой
Не по-кар-ма-а-ну?!

Пролог. – де Морне – д'Обюссоны?

В тот самый июльский день, с коего начинается наш рассказ, стояла нестерпимая жара, как и во все дни знойного лета 1705 года, выдавшегося засушливым, неурожайным, что тяжко отразилось и на без того слабом состоянии Франции.

Шел четвертый год войны за Испанское Наследство, общеевропейской войны, которую вела Франция со слабыми союзниками, против чуть ли не всей Европы, ради прочного установления на испанском престоле династии Бурбонов в лице Филиппа V ...и только ради этого.

Естественно это не могло не сказаться на настроении обнищавшего народа. Недовольства, частые волнения, а на юге многолетнее восстание Камизаров с разбоем и бандитизмом – все это указывало на нестабильную обстановку в самой Франции....Однако дальнейшее наше повествование пойдет вовсе не об этом, и даже не о войне.

После общего обзора внутреннего положения в стране в ту далекую эпоху, перенесемся же на ее запад, от гор Центрального Массива почти к самой Атлантике, а именно в старинную провинцию Ангулем, не затронутую ни войной, ни восстанием, но засухой. Если смотреть с высоты птичьего полета над тем местом, откуда все началось, то вполне отчетливо можно будет увидеть синюю гладь Бискайского залива, сливающуюся на горизонте, голубовато-белую на отмелях, откуда спокойные волны океанского залива непрерывно накатываются на песчаный берег.

На суше же преобладал сохлый цвет выжженной травы, серо-желтый полей пшеницы, радующий глаз темно-зеленый – островов леса, одиноких раскидистых сосен и дубов, пойменных лугов у извилистой руслом реки, пересекаемой дорогой по мосту.

И вот на этой самой дороге, выходящей из старой густой дубравы, так же оттуда можно заметить выскочившего во весь опор всадника на коне, пока за дальностью расстояния кажущегося точкой.

Но по мере того как он все время неустанно погоняя приближался, можно было совершенно не напрягая зрение, в подробности разглядеть, что взмыленный конь – буланой масти, а несомый им наездник представляет собой мужчину с возрастом, в коем его вполне можно отнести к молодым старикам, но можно и воздержаться, если учесть по тому же лицу изнуренность и переживаемые тревожения.

С напряжением вглядываясь вперед, он казалось не видел ничего вокруг себя, поглощенный созерцанием очертаний вдали.

Продолжая и далее более внимательно разглядывать седока, нельзя не заметить дорогой шляпы с подогнутыми полями, несколько не скрывающие седоватые волосы, сбившиеся в пряди. И если определять по этому извечному барометру старости – седине, то по тому как они ею были убелены, ему можно дать лет... пятьдесят, пятьдесят пять.

Сосредоточенное выражение придавало лицу оттенок гордости и достоинства, но в то же время не лишало простоты и мягкости.

Рено, а именно так его звали, не принадлежал к дворянскому сословию, но длительное пребывание в той среде, наложило неизгладимый оттенок бесстрастия и внимательности, проглядывающиеся даже сейчас.

Среднего достатка покроем, совсем не камергерского камзола, даже костюма, ладно облегал фигуру, не склонную к полноте, что в такие годы также облагораживало и внушало если не почтительность, то пресекало любую наглость по отношению к нему, чему способствовала так же длинная шпага, бьющаяся об сапог, звеня о шпору и стремя. Бешеные скачки дали желаемый результат. Очертания вдаль вскоре превратились в замок на возвышении вблизи. Но в то же время конь устал настолько, что не мог достаточно высоко поднимать передние ноги и пылил ими о толстый слой придорожной пыли. Но было заметно и другое: конь, почувствовав, что конец мучениям и есть тот знакомый замок впереди, чувствуя прилив сил, стал в состоянии продолжить скачку с той скоростью, с какой его гнал хозяин. Последний этап – подъем в гору, где на самом высоком месте испокон веков стоял старинный замок готического стиля эпохи раннего средневековья, заметно разросшийся новыми пристройками к настоящему времени. Высокие шпили с позолоченными флюгерами свидетельствовали о достатке владельцев и древних традициях, поддерживающихся и по сей день.

Здесь Рено не стал стегать измученного коня, пустив его своим ходом, сразу перешедшим на шаг, что вполне устраивало их обоих. Рено нужно было собраться с мыслями, подумать, а мерный шаг как нельзя более кстати подходил к такому состоянию. Наконец они достигли того места дороги, где она проходит возле низких замковых ворот, откуда далее уходит вниз к селению, именуемому, как и замок, а точнее замок, именуемый как селение – Жонзак.

Не заметив, что ворота приоткрыты, Рено постучал всячим молотком, специально для этого предназначенным в боковую от ворот дверь. Ответили сверху с настенной постройки недовольно развязным тоном:

– Почти настежь распахнуты... Что ослеп раз..ве? – осекся вышедший страж ворот, и испугавшись своей дерзости, застыл, видя как приезжий решительно спрыгнул с седла..., но к большому его облегчению прошел мимо, лишь грубо бросив ему возжи.

Сейчас Рено было не до этого белокурого лакея, к тому же хмельного, судя по исходящему от него запаху и по тому, как не твердо он стоит на ногах.

Во внутреннем дворе замка стояло множество распряженных карет, экипажей, рыдванов, коней и слуг, съехавшихся на празднество гостей.

Сегодня 18 июля сеньору Жоффруа де Жонзаку исполнилось пятьдесят девять лет – дата сама по себе и не круглая, но отмечаемая с такой пышностью и размахом, с каким не отмечалось даже пятидесятилетие.

На первый взгляд со стороны вполне естественным может показаться, что богатый именник на склоне лет решил пофарсить на округу, пустив пыль в глаза всему высшему дворянству провинции, в лице герцогов Ангулемских, опередив их по затратам, роскошеству и по замыслу: со множеством аттракционов, прогулок, сюрпризов... итальянский оркестр, ночью – бал-маскарад в парке, под грохот и свет петард, шутих, фейерверков, с вручением под конец дорогих подарков, а в начале райски обильное пиршество, которое к данному моменту уже во всю разошлось.

Гостинный зал полон шумливой аравы гостей: приглашенных и просто заехавших под общее приглашение. Множество столов ломилось от обильно наставленных кушаний и яств.

За одним из них в самом углу сидел и сам именинник, угрюмый и неподвижный, в окружении немногих друзей и близких, так же не позволявших себе сколь-нибудь заметного веселья, не в пример остальным беззаботно веселящимся и втихомолку осуждавшим устроителя за подобное кощунство, коим являлось это празднество в такие горестные для него времена, когда нужно бы было в память усопших носить моральный траур, не говоря уж ни о каких торжествах.

Сеньор де Жонзак понимая это, сидя клял себя сейчас, думая лишь об одном – скорее бы все это закончилось, да поскорее уединиться, отдохнуть. Ждал от праздника отдыха, забыв... а получил ужасное состояние стыда и жгучего уныния, взамен хандры, под игривую скрипучую музыку.

После одного слишком продолжительного для него наигрыша, он привстал, но уйти не решился... взял тут же поднесенный бокал коньяка и осушил до дна.

Не приятный бархатистый вкус вина почувствовал он – горечью по сердцу разлилось от удушающей моральной пустоты, теперь уже со слабостью в голове, от которой пришлось присесть, притерпевая странный приступ тошноты.

Глянув на осушенный бокал, с досады откинул его.

Де Жонзаку вдруг стало невыносимо жаль себя. Кончалась жизнь в одиночестве и несчастьи; ни детей, ни родных, ни близких не осталось никого, кто бы живя с ним докорогал бы вместе его век. Ничего светлого впереди не ждало, только глухое одиночество, а ведь еще не так давно его дом был полон.

Снова захотелось этого самого одиночества, которое теперь перестало казаться таким пугающим, наоборот приобрело все то лучшее, которое видится в ней в таком состоянии настроения.

И у тихой, одинокой жизни появятся свои прекрасные стороны. Слуги которых он ранее мало замечал, заменят ему ушедших в мир иной родных.

Мало-помалу де Жонзак снова вернулся к тем ужасным воспоминаниям, так измучившим ему душу:

Меньше полгода назад умерла жена: она не проснулась задохнувшись от цветов аспаргусов, непредусмотрительно оставленных служанкой на ночь, при закрытых дверях и окнах.

Примечательно, что служанка в слезах уверяла, будто бы сама госпожа отказалась от проветривания, а цветы могли и скопиться.

Почти сразу же после нее последовала мать. Смерть жены пагубно подействовала на нее, да и было ей под восемьдесят.

Племянника убили в парке Ангулема на дуэли. Естественно имя победителя установить не удалось, таковых почти никогда и не устанавливают, потому как выяснение отношений таким способом строжайше запрещено еще по указам кардинала Ришелье, за что дуэлянтам и секундантам полагается суровое наказание с конфискацией имущества.

А все указывало на то, что была именно дуэль. Его труп нашли утром с проколами ран в животе и отрубленной рукой, держащей шпагу.

Он, де Жонзак надолго уехал на похороны и там узнал о гибели другого племянника, убитого в битве при Гохштедте в Баварии. Жена того, узнав об этом, отравилась в ту же ночь. Дядя, живший у него в Жонзаке, скончался по дороге на похороны, от апоплексического удара.

Похороны следовали одни за другими, так что вернуться ему в Жонзак пришлось уже опустевший, откуда разбежались, почувствовав неладное, все близкие, жившие с ним во времена благополучия, как он говорил: «как крысы с тонущего корабля».

И действительно, дом Жонзаков, некогда величественный, как корабль, оставался над водой сейчас лишь только носом. Остался только он, на нем род закончит свое существование. Правда можно объявить де Морне – его незаконнорожденного сына – Жонзаком.

Сеньор де Жонзак посмотрел на него, приехавшего откуда-то из империи, сидящего недалеко от него, от чего ему стало от этого неприятно.

Де Жонзаку сразу не понравился этот немец, полный, и этим чем-то схожий со свиньей / по его представлениям/, оскобленный, с пышной копной грязно-соломенных волос.

Временами он вызывал у него отвращение от одной только мысли, что его дом и славное доброе имя может перейти ему.

Поистине верны слухи, что над его родом веет проклятие.

Однако оставался еще его кузен, к которому он в несчастьи привязался всей душой и всегда ждал его приезда, как и сейчас. Но почему до сих пор он не приехал? Давно уже было пора.

Внезапно сеньора де Жонзака поразила мысль, что его кузен не приедет на то кошунство, которое он здесь устроил. Де Жонзаку стало еще невыносимее сидеть среди праздновавших. От музыки звенело в голове; закрыв глаза, чтобы не видеть ничего, прошептал:

– Боже, как плохо.

Ему стали противны гости, только и ищущие где бы повеселиться, и в то же время дороги те близкие знакомые, что сидели за одним столом, и которым так же передалось его мрачное настроение.

Как ему хотелось видеть еще и графа Саймона, с его положительно действующей на него разговорчивостью. Тут он к вящему своему удивлению заметил в дверях Рено. «Легок на помине» – подумал он и стал высматривать за Рено того, кого так ожидал. Всматриваясь в вертящуюся толпу, де Жонзак не заметил как Рено оказался рядом перед ним. Заметив – вздрогнул!

– А... что, графа нет? – спросил он слабым дрожащим голосом, стараясь не глядеть в глаза.

– Графа нет... в живых. – ответил Рено, как можно мягче, но слова его прозвучали как приговор.

Де Жонзак, как пораженный уронил голову на стол, потеряв сознание.

Очнулся от воды, которую подала служанка Марчелла.

Слабость и тошнота не проходила. Пошли за сердечными каплями. Ему все не становилось легче. Лицо все такое же серое. Он то открывал, то закрывал глаза. От остатков воды в стакане отказался. Все же начал чувствовать, что становится лучше и причиной тому была музыка, продолжавшая бессовестно звучать. Лишь немногие в той стороне зала заметили смятение в этой, и пока только глядели...

– Да прекратите же! – крикнул кто-то из рядом стоявших, оборвав игру итальянских музыкантов. Среди гостей разносилось известие об убийстве графа Саймона, ввергая их в смятение.

Праздника как не бывало, и мог ли он быть, когда хозяина уносят в кресле, ослабевшего и в бессознательном состоянии.

Узнав почему его уносят? – От сердечного приступа, им ничего больше не оставалось делать как уезжать. И в это время другое ошеломляющее происшествие: де Морне идя, вдруг схватился за живот застонал и стал медленно валиться..., но его вовремя подхватили прежде чем он упал. Подтащили и положили на диван.

– Врача! Врача! – завизжали старые дамы, когда молодые люди спешили выйти с еще большим испугом от мысли, что и у них сейчас тоже может зажечь в груди.

Гости мало-помалу покидали дворец, с той поспешностью, с которой покидают опасные места.

Рено никем более не замеченный, чтоб не стоять так просто, подошел поближе к дивану, где врач давал де Морне какое-то снадобье, а затем стал прополаскивать взбухшие от яда десны. А так как он стоял так же недалеко и от стола, то услышал разговор двух людей между собой.

– Сюда бы и полицию не помешало. – заметил один.

– Сначала врач. Что он скажет? Что-то странным был последний приступ у месье де Жонзака.

– Говорят он душевнобольной. Я сам-то не верю этим слухам, но думаю, что после всего случившегося, с ним это может произойти.

Сзади Рено кто-то подошел и дотронулся до его плеча. Тот человек был примерно лет на десять моложе его. Держался по-джентельменски спокойно, с толикой изысканности, судя по тому с каким шиком он пил кофе, смакуя из маленькой чашечки.

– А что брата де Жонзака тоже отравили? – спросил он.

– А что разве сеньора де Жонзака отравили?

– А я и не говорил, что его отравили, отравили де Морне, потому мною и было произнесено слово «тоже».

Рено укорил себя в невнимательности, но все же жилка подозрительности в нем все же всколыхнулась.

– А что вы разве не знаете двоюродного брата де Жонзака по имени?

– И знать не хочу. Я даже не знал, что он ему двоюродным братом приходится, я просто хочу знать, как его устранили, вот и все. Что так же ядом?

– Кинжалом.

– Кинжал и яд, – проговорил человек, допив кофе. – Старая, испытанная формула.

– Две смерти за день, это только подумать? —прошептал Рено.

– Вы поразительно правы, хотя и ошибаетесь в деталях.

Собеседник поставил со звуком чашечку на стол и направился вместе с последними уходящими к выходу, от ничего не понявшего из его последних слов Рено.

Сзади опять кто-то подошел, но не оборачиваясь можно было определить, что это женщина: по характерному для нее шарканью юбок и ароматическим запахом тонких французских снадобий, которыми она благоухала.

Рено узнал Марчеллу, которая соорудив обворожительную гримаску испуга, нежно произнесла:

– Месье Рено, сеньор де Жонзак желает вас видеть. Следуйте пожалуйста за мной.

И Рено ничего не оставалось делать, как пойти за ней.

В первой же полутемной, а главное пустой галерее Марчелла вдруг остановилась, как будто испугавшись чего-то ждущего впереди... но испуг был личного характера.

С некоторое время она продолжала так стоять, видимо не решаясь чего-то сказать, бросая мимолетные взгляды.

– Вы мне что-то хотите сказать? – так и спросил ее Рено, покровительственно положив руку на плечо.

– Я? Нет! – ответила она, как очнувшись в испуге.

Тогда Рено не видя впереди ничего опасного, что могло бы остановить, шагнул вперед, но остановился от прикосновения ее ручек, обхвативших его руку и прижавших ее к своей щеке.

Тут же она упала перед ним на колени /заметим нечаянно при этом заголив свою ножку/ и со слезами стала жалобно умолять:

– Месье Рено, я узнала такое... месье Рено, умоляю вас... увезите меня отсюда! – рыдалась она. – Они меня убьют, если я останусь здесь! это ужасное место... я чувствую этой ночью со мной что-то случится! /захныкала/. Я не знаю, что они со мной сделают, но они на все способны: вот посмотрите, что они со мной хотели сделать...

Марчелла оголила плечо и указала на шрам, опустив с наплечников полу, ранее прикрывавшую полную грудь.

– Они мне сказали, что ее ... – договорила жестом руки, – Я хотела бежать этой ночью / захлебывалась она в слезах / они поймали... Боже, что они вытворяли со мной на сеновале... я еле вырвалась. Мне было приказано подсыпать яд в бокал месье де Жонзаку и поднести. Я не сделала этого! Они убьют меня за это! Месье Рено, ведь я!...О, Боже, что со мной будет? ...Вы ведь спасете меня, милый месье Рено? Ведь правда? – мучительно в волнении упрашивала она.

Поняв какого рода колебания Рено, она привстав стала медленно поправлять платье.

– Увезите меня, хотя бы до леса или первой гостиницы... – / теперь уже вспыхнула она /. – Я могу поехать сзади вас как ваш паж. Я оденусь в мужской костюм, в гардеробе их много / указала на дверь /.

– Конечно, конечно, – согласился тронутый Рено.

– Подождите! – остановила она его оглянувшись. – Вот вам ключ от него, я буду там ждать вас, закройте меня в нем, чтобы никто не вошел. С той стороны она не закрывается.

Рено открыл дверь гардероба, впустил ее. Зайдя она оглянулась.

– Я целиком и полностью вверяю вам свою жизнь, и если вы не вернетесь... – она горестно заломила руки... – ...Вы хотите посмотреть как я буду переодеваться?...

Нет границ женскому бесстыдству, в различных его вариациях, имеющих цель добиться того, ради чего они возникают, и в большинстве случаев добиваются.

Рено закрыл дверь от греха подальше, ибо грехом в то время считалось даже подобное узрение. Пошел далее вперед, и вскоре попал в смежную с кабинетом де Жонзака комнату, в которой тот лежал в окружении нескольких человек и лекаря, отсчитывавшего сердечные капли и затем давшего испить свою микстуру.

Увидев Рено, де Жонзак пожелал остаться один / в отношении всех кроме него /. Однако лакей и грузная, пожилая служанка, похожая больше на торговку, продолжали как ни в чем не бывало возиться возле него со своими делами.

Сеньор де Жонзак сначала полулежа терпеливо смотрел на них, затем резко проговорил:

– Выйдете оба!

– Да что вы, месье де Жонзак, на вас лица нет, случилось что, ...выпейте морса, пожалуйста. – вступилась служанка, поднося бокал с напитком, резко отвергнутый, по больному неверной рукой, чуть не выплеснувшей содержимое.

– Если нужно будет, вас позовут! – возразил он, прерывающимся голосом, так что на лбу выступила испарина, которую служанка незамедлительно стала иссушать полотенцем.

Вырвав у нее полотенце из рук, еще раз крикнул:

– Сгинь... пошла! – добавил уже хрипло и надрывисто. И не в силах более сдерживать боль, скривился в корчах.

– Вот видите, снова нужно звать врача.

– Выйдите! – твердо приказал им Рено, тоном не терпящим возражений.

Они усталились на него, как будто только что его заметили, но шпага возымела на них должное воздействие и они тут же удалились. За их настойчивостью нужно было закрыть за ними дверь, так как разговор предстоял важный.

Де Жонзак оправился от приступа дурноты и чувствуя что это будет продолжаться недолго, как бы скорее спросил, хриплым, изменившимся голосом:

– Расскажи, как?

Немного помолчав, Рено начал:

– Мы опаздывали и выбрали прямую дорогу через лес...

...Экипаж запряженный парой белых коней быстро неся по нетвердой песчаной дороге, зарываясь колесами в вязкий слой песка и пыли, оставляя после себя самопроизвольно засыпающиеся борозды.

На одном из поворотов, Рено, сидевший на козлах, чуть не слетел с них, до того резко экипаж затормозил из-за оказавшегося под колесами бревна, ранее присыпанного. К двери подскочили четверо в сомбреро и с черными намордниками, распахнули дверцу, выстрелили.

– Негодяи! Него...

Всадили клинок упавшему в горло и выстрелили еще несколько раз. Тело графа Саймона упало с сидения на пол экипажа, заливаясь в собственной крови.

В тоже время, над их головами блеснул на солнце клинок Рено и раскроил одну из них, близ стоящему. Но не успел он опуститься вновь, как лошади, испуганные выстрелами, понесли экипаж, а трое бандитов воспользовавшись этим, спрыгнули обратно в канаву, откуда несколько секунд назад появились из-под лопухов, чтобы совершить убийство.

...Де Жонзак относительно спокойно отнесся к рассказанному и спустя минуту произнес:

– Посмотрите-ка, кто там за дверью?... Опасно! – прокряхтел на силу через боль.

Вытащив на ходу свою шпагу, Рено ею отворил дверь, чтоб не приближаться... ко все той же служанке, держащей в руках белье.

Не зная что делать, встал перед нею в выжидательной позе со шпагой на перевес.

– Он что, умер?... вы так... – глянула на хрипящего де Жонзака, дергавшегося всем телом от выхаркиваний и сплевывающего прямо на пол. – Возьмите полотенце, я принесла...

– Но ведь это старое, что ты уносила, вот следы. – указал кончиком лезвия.

– И впрямь, я и не заметила.

– Гони ее!... – смог выкрикнуть де Жонзак в перерыве между приступами кашля и тошноты: стал показывать рукой; удалить ее и что-то закрыть, как будто на замок. В конце коридорной комнаты Рено увидел дверь с ручным замком, за которую служанка уже успела выйти... скрывая в руках под полотенцем нож.

Закрыв эту дверь, а затем кабинетную, вернувшись подошел к сеньору де Жонзаку, корчившемуся от коликов в животе и горящего нутра. Рено испугался видимого, как будто только что поняв...

– Что смотришь?..

– Вас отравили?

– Страшно большой дозой, три раза: в бокале, в стакане воды и в каплях, и ведь тем ядом к которому я готовился...

Сеньор де Жонзак каждый раз добавлял в еду малую, совершенно безвредную дозу яда, которым по его мнению могли пользоваться преступники.

– Прошло бы побольше времени и такой дозой не уложили бы. Эх! Да что говорить!

– Кто это сделал? – произнес Рено, видя перед собой будущего мертвеца. – Эта служанка? Скажите, я их всех перебую!

– Не горячись, я позвал тебя по другому делу... гораздо более важному, чем сводить счета с...

Договорить помешал обморок. Когда де Жонзак пришел в себя, первым делом дал Рено ключ.

– Торопись, мне не долго осталось...

Рено без дальнейших указаний открыл все ящики стола. Внимание его привлек пергамент с гербовой печатью и прочими подписями.

– Ах, гады, – жаловался де Жонзак от боли не в силах более терпеть, – чего подлили...

Рено прочитал завещание, гласившее:

«Мы, Жоффруа де Жонзак, дю Туа, сеньор Жонзака, находясь в полном здравии ума и рассудка, настоящим изъявляем, что: свои родовые вотчины, вложенные в ренту с выплатой в год 40 000 ливров, вложенные в дела барона Ротшильда 320 000 под семипроцентный заклад, ровно как и все мои ссуды и векселя, а так же прочее мое имущество после моей смерти завещаю...

...Далее стоял пробел под которым были поставлены подписи завещателя и еще ниже – нотариуса.

– Чье имя вписать? – спросил Рено, чем ввел умирающего в затруднительное раздумье, заставившее его на время забыть о боли.

– Вы затрудняетесь сказать, боитесь назвать... убийцу? – продолжал Рено.

– Именно так.

– Но вписать кого-то нужно, назовите имена родственников.

– Обильно поумирали мои родственники.

– Что кроме де Морне никого нет?

– А тебе не хотелось бы его вписывать?

– Но ведь он тоже отравлен и находится по сравнению с вами еще может быть худшем состоянии.

– Как же! – услышали они голос в комнате, с последовавшим далее истерическим смехом.

Поначалу Рено не понял откуда смех исходит, но де Жонзак указал.

– За драпировками!

Но только Рено кинулся к ним, как дверца лаза захлопнулась, прежде чем он клинком одернул драпировку между углом и шкафом.

– Теперь понятно кто это сделал, они выдали его! Ваш де Морне ничего не получит! – кричал Рено в место предполагаемой дверцы, – Слышите, вы!

Рено снова стало жутко. Он сильнее сжал в руке рукоять шпаги, ожидая что дверца лаза вот-вот откроется и оттуда произойдет что-то ужасное. Эта ведьма могла быть на все способна и поэтому он задвинул дверцу стоявшим рядом шкафом.

Обезопасив таким образом это место, откуда могли бы и выстрелить, снова подошел к умирающему.

– Господин де Жонзак, зачем обязательно кому-то завещать? Нельзя ли отдать свое состояние на сборы пожертвований на войну? Монастырям, или того лучше, сиротским приютам?

– Для войны говоришь? Чтоб на мои деньги убивали австрийцев, немцев, голландцев, португальцев, савойцев или наших Камизаров? Монастырям? Но я безбожник сызмальства. Как видишь, не священника позвал, а тебя.

Попам, чтобы эта аскетическая зараза пожирнее существовала? Ты этого хочешь? – говорил он разубеждая, как будто Рено сейчас самовольно собирался завещать.

– Ну а для бедных и сирот?

– Это будет новая горестная пилюля от короля, ибо мое состояние достанется ему на войну, как достается почти все, что жертвуется. Людовик задолжал сотни миллионов, миллиарды, а уж с моим миллионом не посчитается, займет, чтобы сдохнуть и не отдать. Вот так-то!

– Тогда что, остается де Морне?

– Нет, ему бы я никогда не отдал своих арендаторов... кандидат в сатрапы... Не хочу в гробу переворачиваться.

– Тогда сеньор де Жонзак, я просто теряюсь в догадках. Кому? – Рено грешным делом подумалось. – «Не вписать ли свое имя?»

– Подойди поближе, имя этого человека не должно стать известно им, иначе горе ему.

Рено подошел к изголовью и наклонился. На лбу де Жонзака выступила болезненная испарина, а язык, покрытый гнойными язвочками отказывался работать, как и зрение.

– ...Барон д'Обюссон, – прошептал Жонзак, – Кто-то из Обюссонов, мне близкий родственник...

– Но может он и есть? Как раз все три смерти ему на руку. Может служанка нарочно?...

– Смотри, сзади!

Рено обернувшись увидел падающий шкаф. В одном прыжке оказавшись у шкафа, засунул клинок вовнутрь лаза, прямо через драпировки. Крик. Еще один удар пришедшийся во что-то мягкое! Вытащив его окровавленным почти до самой рукояти шпаги, засунул его с отвращением от крови в ножны. Нетвердыми шагами Рено дошел до стола, воткнул перо в чернильницу и вписал; и только затем подумал не ошибся ли? Но ему нужно было спешить, не было времени на раздумья.

Руки его дрожали и он отбросил перо, сделавшее свое дело. Стонущий сеньор де Жонзак заставлял торопиться. Рено растопил над канделябром ком сургуча, специально для этого лежавший в нижнем ящике стола, закапал на углах вдвое сложенный документ. На сургучных

печатах поставил клеммы, приставляя для этого руку сеньора де Жонзака с перстнем. Затем так же запечатал в пакет, так же поставил новые клеммы и стал дуть, чтобы скорее засохло.

Умиравший удовольствовавшись общим видом пакета с документами внутри, олицетворяющем для него самое важное в жизни, дал Рено убрать его в нагрудный карман.

– Прощайте...

– Постой, куда спешишь? – улыбнулся де Жонзак в последний раз в своей жизни, и смог улыбнуться лишь потому, что боли отпустили, наступило облегчение перед смертью.

– Да, а куда ехать?

– Возьмешь моего коня со звездочкой. Скачи в Лимузен, от Лиможа на восток, до Гере, а там по реке Крез вверх. Обюссон недалеко от истока... и возьми деньги...

Рено только сейчас заметил тугой кошель в ящике стола. Схватив его подался на выход.

– Да не в ту дверь! Замок кишмя кишит ими, ты не пройдешь. – За драпировками, где стоял шкаф рядом... м-ммм... – окончил стопами свою хриплую речь умирающий.

Убрав драпировки Рено увидел дверь тайного хода. Нажал на ручку и открыл ее в крошечную тьму. Обернулся назад: на глаза навернулись слезы и Рено взволнованным голосом проговорил:

– Прощайте, да будет земля вам пухом, – и ступил вниз.

Не решившись идти вниз, в жуткую неизвестность, Рено вернулся, взял свечу, последний раз бросил взгляд на сеньора де Жонзака: тяжелое дыхание переходящее в хрип, конвульсии и одышка, открытые, не видящие глаза... – предсмертная агония представляла жуткое зрелище и поэтому он поспешил покинуть кабинет, устремившись по ступеням вниз, теперь уже видя куда ступать.

Пойди он без свечи, не мудрено свалиться и до самого низа катиться вниз, скорее всего уже трупом, а не целым и не вредимым, каким он спустился со свечой.

Выбив одним пинком преградившую путь дверь, попал в какое-то складское помещение, забитое ящиками. Еле протиснулся в створ двери, открытой им насколько он смог, оказался между двумя стенами ящиков, на проходе, бледно освещенном белым светом, все же позволявшем увидеть разрушенную им в стене кладку, замаскировавшую ранее потайную дверь наверху.

Откинув потухшую свечу, Рено зашагал вперед между штабелями ящиков к зарешеченному оконцу, затянутому к тому же бычьим пузырем и пропускавшему только бледный свет, жутко осветивший могильным оттенком поднимающееся из темноты видение человеческого лица, с зияющими пустыми глазницами.

Рено обмер, когда видение кинулось на него... мгновенно сработала реакция защиты: вытаскивая из ножен свою шпагу, отбил прямой удар шпаги нападавшего и одеревенелой рукой

нанес удар своей, пришедшийся в горло. Только теперь ясно различил человека, захлебывающегося в своей крови, открывавшего и закрывавшего рот в безмолвном молчании, пока наконец тот не обмяк.

Не ясно воспринимая окружающее, Рено в шоковом состоянии двинулся вперед, пока не наткнулся на лежанку, где тот человек только что спал и откуда встал на свою погибель.

Пошел дальше на свой страх и риск. Окажись на его пути кто еще другой с теми же намерениями, они увенчались бы успехом, ибо состояние Рено не позволяло ему даже шпагу поднять.

Неизвестно для себя как выбрался из подвалов; ясно помнил что долго плутал и что когда выбрался, то зажмурился от ослепившего глаза яркого дневного света.

Пахнуло жарой, вместо прохладного холодка.

Вложив в ножны окровавленный клинок, направился к конюшням, по опустевшему двору.

Через минуту выехал оттуда на отличном свежем скакуне, со звездочкой, которого конюх отдал без разговоров, так как знал, кому отдает.

К этому времени пожилая служанка и лакей открыв дверь в кабинет ключами, побежали к умирающему.

– Говори, кому завещал? Говори скот... у-у дохлая тварь, – тормошила она его.

– Пить... не могу... горло...

– Сгори ты в гиенне огненной, безбожник проклятый, говори же, ну! – постоянно трясла его служанка, наклонившись над ним низко. – Говори, кому написал? Говори, а то придавлю, как щенка.

– Отстань ты от него. – сказал лакей, осматривавший все кругом.

– Пожалуй подыхай сам, а то – придушить, слишком легкая для тебя смерть, – наклонилась она совсем низко к его лицу, и шипя, плюнула.

– Сюда идут, вытри.

Выезжая со двора за ворота, Рено даже и не вспомнил о бедняжке Марчелле, то что произошло с ним слишком потрясло его.

Марчелла же находившаяся отнюдь не в закрытом гардеробе, а стоявшая у окна, как только заметила, что ее «единственно возможный защитник» уматывает, только пыль столбом, не теряя времени побежала во двор. На опустевшем дворе, если не считать нескольких экипажей, Марчелле не составляло большого труда заметить того, кого ей было нужно, то есть шедшего к ней Гийоме с подавленным и растерянным видом. Марчелла поняв в чем дело, подошла к нему, разъяренно глядя в его жесткое лицо, с острыми чертами, так пленявшими ее:

– Ну что, прошляпили?!!

– Быка убили.

– А у меня тоже новости. Жонзак завешание написал и некто по имени Рено повез его неизвестно куда. Скачи за ним и убей, оно у него!

– У того, кто заколол Быка? Благодарю покорно! Спасибо за совет. Ах, как легко их давать! Такой прелестный ротик и говорит такие мерзости.

– Дураков нет. – подтвердил подошедший за ним пьяный Аньян. / тот кто стоял на воротах /.

– Даже вдвоем? Стыд и позор. За что вас только держат. Послушай, Гийоме, добудь мне завешание, если хочешь знать, ты должен это сделать мне, мой красавец.

– Спасибо, красотка, если я его и добуду, то только не для тебя, и потом...

– Что потом?? Что потом?!! Он ускакал каких-то три минуты назад.

– Зато как уметелил. – снова вступился Аньян, – Только и видели его на сеньорском скакуне. – договорил он с неуместным пошловатым хихиканьем.

– Слушай, Марчелла, а что правда мне сказали, ты раздевалась перед ним?

– Ах ты, сплетни слушал, вместо того что бы быть там где тебе следовало находиться. Слушай, Гийоме, или ты поедешь за ним, или я все расскажу. Идите выберите самых лучших коней и проследите хотя бы, если ты трус!

– А что если он в Венгрию поскакал. – лукаво спросил Гийоме.

– У него только в Германии эти дела были, – показала какие жестом обеих рук за себя, – Если добудешь завешание, то получишь тысячу рыжих лобанчиков, а пока ты и медного денье не стоишь. – со смехом отошла она от них к воротам, выглянуть посмотреть далеко ли уехал Рено?

Выбрав на конюшне лошадок получше, они подъехали к ней сзади.

– Так все-таки не дашь?

– Ни гроша!

– Я тебе этого не прощу, брошу ведь!

– Сдался ты мне размазня, давай отсюда, нюни распустил!

– Поехали, Аньян.

– Постой, Гийоме! У тебя правда с собой ничего нет? – по делу забеспокоилась она.

– Почему? Есть! Целых несколько су.

– Тогда возьми, – она сняла свой перстень и с сожалением глянув на него бросила его Гийоме, на дело.

– Вот это другое дело, прощай, красотка. – бросил ей в ответ воздушный поцелуй Гийоме, больше ее никогда не увидевший.

Примерно в это же время, когда двое наездников погнали своих коней в погоне за третьим, скончался последний из Жонзаков, сеньор Жоффруа де Жонзак. Угас еще один древний род.

Глава II. Семейство Обюссонов

Через день езды к закату следующего, посланец достиг наивысшего места дороги, огибавшей холм посередине и круто устремлявшийся в живописную сельскохозяйственную долину реки Крез.

Любой путник, будь то пеший или на коне не мог не засмотреться хоть на мгновение на открывающуюся перед ним равнинную панораму.

Рено, ехавший на свой страх и риск еще не известно к кому, вообще слез с седла, предпочитая пеший спуск, дабы посмотреть побольше вниз, как будто по владениям можно определить хозяев. Но все равно после долгой дороги полной тревог, сердце его переполняла непонятная радость.

Природа как-будто постаралась сделать обозрение захватывающим: дорога проходила близко к краю обрывистого холма-стога. Долина при багрянце заката очень хорошо просматривалась до возвышений, постепенно переходящих в лесистые холмы, поросшие широколиственными и хвойными породами деревьев до самых каменистых вершин.

По мере понижения, диких лесов становилось все меньше и меньше. Девственная природа уступала место рукотворной: виноградниках на склонах и садах на более пологих площадях. На равнинном дне долины преобладала возделанная земля злаковых, колосовых, бобовых и бахчевых культур, но это по ту сторону реки, а по эту простирались луга и покосы... одни покосы, разделенные тонкими лесными полосами, разлиновавшими их как шахматную доску до самых подножий холмов этой стороны и до виноградников взбирающихся на эти холмы.

Приятной, светло-коричневатой, начисто програбленной от окошенной травы стерней, покос был равномерно заставлен стогами сена, прикрытых на макушках попонами на случай дождя. Кое-где сено еще не было скирдовано и лежало кривыми иссохшими рядами.

Какой-то крестьянин уже начал добросовестно сгребать это сено, судя по той тщательности, с какой он это делал от самых краев лесных полос.

Кстати о лесных полосах: они были не широкими – три, четыре, пять рядов, и не везде рослыми. Иногда упирались в крупные вековые экземпляры, что свидетельствовало об искусственной посадке и не так давно: с тех самых пор, как управляющим поместьем стал аббат Витербо.

Такие облесенные покосы в значительной мере меньше подвергались безводию и засухе этого года, и что самое главное – травяной покров стал намного пышнее и давал укуса значительно больше, нежели без них.

Кроме того, стало гораздо легче учитывать собранное, что и делалось почтенным старцем.

В пойме реки, даже можно не затрудняясь сказать еще речки, так как до истоков было совсем не далеко; так в пойме не смотря на небольшую ширину и правильное прямое русло, ее

оказывали довольно широкие пойменные луга, сочно-зеленые даже в такое засушливое время. И не удивительно, что многочисленное стадо коров паслось именно там.

В данный момент пастух вводил коров в воду: на водопой и для того чтобы они перешли реку вброд на другой берег.

В запрудах перед деревней было бело от гусей. Водились так же утки, скопившиеся серой массой в вырытом пруду, заросшим камышом и ряской.

Как и подобает деревенской идиллии, на лугу пасся конь с завязанными ногами – сюжет, без которого не обходится ни один полный деревенский пейзаж.

В просторном, раскиданном по одну сторону реки, в утопающем в садах селении Обюссон жили в основном арендаторы, возделывавшие господские земли под хлеба, окружавшие селение плотной светло-желтой массой, пересекаемой расходящимися деревенскими дорогами.

Собственных работников в поместье не хватало / после рекрутских наборов и прочих бедствий /, поэтому почти все сеньорские земли сдавались в аренду, что было так же нововведением аббата Витербо, вставшего на путь увеличения возделываемых земель вместо покосов, что стало давать сразу ощутимые результаты, резко поднимавшие доходы с владения, ставшие составлять до 15—17 тысяч ливров в год.

Надо к этому добавить что Обюссонское баронство было одним из самых больших в Лимузене, занимавшее целиком почти всю долину на много миль и распространявшееся на близлежащие горы, в иных местах до трех миль шириной.

Если схематически представить долину в виде прямоугольника, то Крез, отнюдь не являлась бы его средней линией. Всевозможно петляя, она подойдя к одной стороне, далее почти перпендикулярно устремлялась к другой, на стену холмов начинавшихся возвышениями и, обогнув одно из них, слишком выдававшееся от холма-стога, текла далее, разрезая и без того разрезанную поперек долину, раздваивая левую ее сторону на две части: ближнюю покосную и дальнюю возделанную, где у реки раскинулась своими лучами деревня, с центральной артерией-дорогой, идущей от холма-стога по покосам, через реку по деревянному мосту, в полях и садах через середину деревни, пересекая Крез на второй раз по каменному и устремляясь далее вправо по лесистой местности по третьей части поместья – замковой, наиболее зажатой холмами с каменистыми вершинами и поросшими склонами.

Издали вообще казалось, что замковая часть сплошь холмистая, изрыхленная сходящими горками, заросшими одним лесом. Но это только так казалось издали. На самом же деле дорога шла опять же по покосам, чередующимися со светлыми лесками и приятными на вид смешанными дубравами, проезжать через которые представляло одно удовольствие и приятное отдохновение, какое может вызвать спокойный проезд в тени и свежести, после скачек в жару по пыли.

Постепенно конфигурация расположения деревьев стала больше смахивать на искусственную, пока совершенно не стало явствовать что это уже не рощицы, а парк, заканчивающийся садом у пустого рва, перед стеной замка, верхняя треть которой представляла собой прочную, толстую монолитную ограду из чугунных решеток.

Недалеко от стен замка в низинке находилось небольшое озеро, со всех сторон окруженное лесом и начинающее с дальней стороны зарастать. И если бы не ручей, бегущий с гор и питающий чистой горной водой водоем, выносящий в Крез менее чистую, то озеро в один бы сезон превратилось в болото.

Вода в ручье, как уже говорилось, была чистой и холодной не успевавшей нагреться на солнце, но для питья все равно брали другую, из маленького досочного сруба. Узкая тропинка вела от сруба к дороге и соединялась с ней там, где она становилась полукаменной полудеревянной, как раз там где начинался мост, перекинутый через ров на другой край, подходя впритык под ворота.

Именно досочно-каменным был настил некогда перекидного мостика, когда это свойство мостов перед замком было наиболее ценным. Время смут и феодальных распрей кануло в Лету, вследствие чего и мост потерял свойства подниматься. Передний конец накрепко врос в цементное ложе переднего края рва, а основание оказалось в таком же положении, на противоположном крае. От бойниц – единственное что осталось от башен на воротах, уже не вытягивались массивные цепи, они давно вместе с рычагами соржавели в темных сырых подвалах.

Примечательно что хорошо сохранились толстые крепостные стены, не подвергшиеся в свое время сносу, оставшиеся в своем первоначальном виде. Объяснялось это тем, что замок представлявший собой крепость находился в долине и являлся ключом на подступах к долине и горам; поэтому не стали срывать его стены, так как крепости в пограничных районах и прочих стратегически важных местах оставляли для военных целей. И хотя Лимузен был далеко не приграничной провинцией Франции, наоборот, даже срединной, но горы... горы представляли для абсолютной власти опасность: там и мятежный феодал мог укрыться, и бунтовщики, и бандиты.

Поэтому внутренний двор замка из-за непомерно толстых стен был прямо-таки зажатым двориком, мощеным старинным булыжником. Лишь слегка обновленным и заставленным большим количеством служб, как например флигели, привратницкая, дровенник, летняя кухонка и т. д. Помимо всего прочего в нем умещались: оранжерея с цветником, коим занималась госпожа д'Обюссон и конечно же находилось то, без чего не обходится ни один замок – без конюшни.

Посередине двора проходила широкая серая полоса, как продолжение дороги, вымощенная каменными квадратами до самых мраморных ступеней, в отличие от брусчатки двора не только подметаемых каждый день, но и мывшихся до бела.

За мраморными ступенями, за парадным подъездом шел холл, или по французски – будуар, выделанный в типичном стиле для обстановки эпохи Людовика XIV.

Далее шли одна за другой две большие залы, с очень высоким потолком и одинаковыми люстрами. Назывались залы: «передний» и «задний», и кроме того по разным от них сторонам расходилось двенадцать комнат, расположенных по высоте этих зал на двух этажах. Кухня и столовая располагались на первом этаже между двумя этими залами с выходом на улицу к летней кухне с местом для рубки мяса, а так же погребом, где кухарки все время как на них не посмотришь, возились по своим делам с продуктами, овощами и фруктами, мыли посуду и вообще занимались всеми черновыми работами, только там, скрытые перегородками.

Бертон – старый искусный повар не допускал чтобы на кухне, святом для него месте, водилась грязь, неизменная спутница таких работ. На кухне, содержащейся в исключительной чистоте Бертон занимался исключительно приготовлением и раскладыванием, куда входили только для того, чтобы взять поднос или что другое, и отнести господам в переднюю залу, где они часто за общим столом изволили обедать с замковой челядью.

А в остальное время что передняя, что задняя залы были всегда пусты. В основном, кроме хозяев и приближенных, пользовались обходной галереей по правую сторону от зал, выходящей рядом с главным входом на три мраморные ступеньки, в древнегреческом стиле, что вместе с двумя колоннами, образующими побочный выход придавало фасаду некоторое сходство с храмом.

Мрамором была облицована большая часть внутренних интерьеров замка, а так же и весь пол. Вообще барон любил этот материал и траты на него вместе с дорогими коврами отрывали на себя значительную часть доходов, но зато и внутри замка было как во дворцах высшей знати. Особой гордостью замка была задняя зала, предназначенная для отдыха, имевшая библиотеку. Там господин д'Обюссон любил принимать гостей, проводя с ними целые вечера. Соответственно и отделана она была как картинка. Самая дорогая мебель, картины, самые лучшие и ценные ковры на стенах и на мраморном полу, что очень между собой гармонировало. Барон д'Обюссон ковры не только просто покупал, но и собирал. Так самый старый считался ковер XII века, но аббат Витербо уверял, что пара персидских ковров намного старше, и если разгадать орнамент, чем он любил заниматься, то можно будет определить на сколько веков они старше, так он был уверен в их древности.

Если собирательство ковров было прихотью, а покупка лучших сортов каррарского и дьепского мрамора, и последующая им облицовка чего-либо просто увлечение, приятно улучшающая интерьер, то приобретение ценных и хороших книг, и пополнение ими библиотеки – было просто страстью, коей способствовал ученый итальянский аббат, сам будучи библиофилом и учителем.

Должность библиотекаря восьмитысячного собрания ему была приятна даже больше, чем духовная, быть наставником единственного сына барона и баронессы, ныне восемнадцатилетнего и собиравшегося учиться в университете города Тура.

За эти две должности и за третью – управителя поместья, преподобный отче получал полтысячи ливров в год и пользовался столом, за которым всегда был разговорчивым.

И вообще аббат Витербо был приятным и сживчивым человеком, о чем свидетельствовало и то, что за несколько лет пребывания в замке и управления поместьем между ним и кем-либо не возникало никаких мало-мальски серьезных ссор за исключением как с Франсуа, но отношения между учителем и учеником – особая область взаимоотношений.

Имея низкий рост и плотно упитанную фигуру, как и подобает священникам, он всем этим подходил к своему сану, чего никак нельзя сказать о духовной деятельности, которой хватало только на вечернюю «Аве Мария» и утреннюю «Отче наш».

Каков наставник, таков и ученик, имевший ввиду эти две молитвы, да и еще пожалуй запомнивший где-то «Богородицу». Но и сказать о нем как о слабоверующем тоже было нельзя. Он относился к людям неприметно легкого верования, никогда не возносившийся к Богу ни

помыслами, ни мольбами, как впрочем и проклятиями. Он верил лишь в свою судьбу, о чем свидетельствовал и его девиз: «Судьбе не раз шепну – merci beaucoup».

А по сему при поступлении в университет, благодаря образованию, которое ему дал аббат Витербо, выбирать не пришлось – на факультет естественных наук.

Однако он вовсе не собирался посвящать свою жизнь наукам, так же как и не думал чему вообще посвящать себя, ведь подобные раздумия среди аристократов его возраста считаются недостойными и глупыми.

В отличие от него самого, его родители за него уже определили ему судьбу.

Барон д'Обюссон как участник войны за Мантуанское наследство, не терял надежд, что его сын выберет служивую стезю. В Туре он нанял ему самых искусных учителей фехтования, познакомил со своими старинными друзьями по оружию, дослужившихся до высоких званий и Франсуа часто навещался в их части.

Мать же довольная тем, что сын будет учиться, а не служить, и чего доброго не воюет, твердо была уверена, что и дальше будет так же продолжаться.

Если в определении судьбы их сына взгляды расходились, то аббат Витербо убедил их в том, что для него нужно скопить денег; урезать траты настолько, чтобы вообще не тратить ни на что лишнее, тем более в неурожайный год.

В этом году по подсчетам аббата доходы должны были составить примерно двенадцать тысяч, если конечно цены не поднимутся. Размышления об этом вызвали у барона воспоминания: как он из года в год расходовал как истинный дворянин без оглядки, что сейчас его очень огорчало что, не может обеспечить сына состоянием даже в пол сотни тысяч.

Впрочем д'Обюссону – младшему, не так уж еще много лет, чтобы что-то иметь, а кое-какая сумма для него все же имела, вложенная в нотариальную контору мэтра Марсена, в Париже, имя которого он с трудом вспомнил и нужно было долго копаться в архиве, заваленном разными бумажками, чтобы найти расписку. Дабы убедиться, правильно ли он вспомнил, да еще долго потом подсчитывать сколько за все эти годы набегало по процентам.

А вообще барон д'Обюссон был дворянин средней руки и его сыну предвиделось безбедное существование. Как будто что-то имелось за душой и у деда Франсуа, тихо проживавшего вместе с ними и со своей дочерью, его теткой.

Таковыми заботами жило семейство в году 1705 от Рождества Христова, спокойной и размеренной, как метко определяется одним словом – провинциальной жизнью, за многие времена мало чем изменяющейся.

И конечно же вечером день завершали в задней зале, собираясь вокруг стола за чашкой чая, когда можно хорошенько обсудить дела и вообще побеседовать за игрой в карты или лото; если лото – то «кричащим» был обычно аббат Витербо, даже в такое затруднительное из-за игры время, умудряющийся что-то рассказать, так вот и в этот вечер, так круто прервавший их спокойную размеренную жизнь... аббат Витербо рассказал или почти уже рассказал версаль-

скую сплетню или даже анекдот, как к ним подошел Бертон и с извинениями прервав разговор, сообщил:

– Приехал какой-то господин, имя отказался назвать, просит принять.

– Преси. – сказал ему сразу же оживившийся барон, обрадовавшийся, что к нему хоть у кого-то нашлось дело.

Бертон вышел и через некоторое время вернулся вместе с Рено, сразу же обратившем на себя пристальное внимание. Что могло быть у этого человека... подошедшего к ним ближе, с усталым видом, лениво поклонившийся им в легком движении и очень серьезно глядящим на них в глаза каждому?

Прервал воцарившуюся на минуту тишину, тепло поприветствовавший гостя и пригласивший к столу, садиться, аббат Витербо.

Рено вместо этого подошел к столу, чтобы выложить из-за пояса пакет прямо на карточки лото перед бароном.

– Не спешите вскрывать, это не письмо.

– А что же здесь?

– Завещание месье Жоффруа де Жонзака.

– Но ведь я не нотариус, чтобы хранить чужие документы, – добродушно сказал барон д'Обюссон, которому произнесенное имя ни о чем не говорило.

– Вы его наследник.

Произнесенное произвело на окружающих сильное впечатление, вызвавшее среди них заметное оживление. Даже барон и тот стал как будто что-то припоминать...

– Тогда позвольте узнать, почему господин Жоффруа де Жонзак решил передать этот документ мне? Почему не передал на хранение своему нотариусу? – излишне спросил барон д'Обюссон, стараясь не подать вида своей радости.

– Все дело в том, что люди, умирая, всегда спешат.

Сказанное Рено никого не натолкнуло ни на какую другую мысль относительно смерти, кроме как на мысль об открывшемся наследстве. Его все-таки усадили за стол и он рассказал все, что знал о состоянии наследства покойного. В основном он говорил только об очень доходных земельных виноградниковых владениях, где часто бывал.

Когда стало очень уж поздно, аббат Витербо заметил об этом, окончив затянувшуюся беседу, первым поднявшись из-за стола. Вслед за ним стали расходиться все остальные, радостно возбужденные после беседы. Барон д'Обюссон задержался, давая Бертону относительно гостя указания... и поэтому Рено представилась возможность поговорить с ним наедине:

– Господин барон, мне нужно вам кое-что сказать.

Бертон, поняв что он здесь лишний удалился выполнять распоряжения.

– Все дело в том, господин барон, – сделал Рено паузу, – что по дороге к вам у меня возникли кое какие затруднения...

– Я все понимаю, что вы хотите сказать господин...

– Себастьян Рено. Так вот господин Себастьян Рено говорит, что вы ничего не понимаете, – с улыбкой продолжил говорить он. – По дороге к вам у меня возникли затруднения совсем другого рода. – рывком вынул из ножен шпагу и показал. – Здесь кровь троих человек. И еще: о том что я привез документ вам, уже знают, за мной проследили. Так что я советую вам бросать все и скорее поезжать в Париж.

– Господин Рено, как мне все это понимать?

– На огромное состояние ныне покойного сеньора де Жонзака был положен большой глаз.

– Я понял.

Они учтиво раскланялись и вышли из зала в разные двери.

Все в этот вечер переполняло Рено удовлетворением, роскошный зал, в темноте которого он проходил, когда направлялся в залитую светом столовую. Отличный старик Бертон, как следует его накормивший и приготовивший ему постель в уютной спальне, наконец завязавшиеся с ним хорошие отношения.

– Встают у нас поздно, так что отсыпайтесь до десяти-одиннадцати. Пойду я что-то Франсуа запозднился, до завтра!

Дверь без всякого приспособления для закрытия очень смущала Рено после всего того, что он пережил, но ничего нельзя было поделать...

Рено стал устало раздеваться, при этом зевая, как вдруг услышал звон монет, кинутого на постель камзола. Присел рядом, вытащил из кармана битком набитый золотой кошель. «Что ж другой такой не помешает».

В эту ночь Рено ложился со спокойной душой, пристанище найдено и ничто уже не угрожает его жизни. Однако свежи были воспоминания о прошлой ночи и поэтому ложась он положил шпагу в постель рядом с собой. Задув свечу, сразу же уснул.

Глава III. Ночное происшествие, с последующим отъездом в Париж

Рено спал чутким сном, иначе, после всего произошедшего с ним, было и не возможно, и поэтому он сразу проснулся от неясного шума, наподобие шороха с приглушенными разговорами.

Вскочив со шпагой в руке, он застыл, весь превратившись в слух. Сейчас явственно услышал приближающиеся шаги нескольких человек и их приглушенный разговор.

«Вот как значит „до завтра“?!» – прошептал он, хватая камзол, чтобы не сражаться голым... одеваясь пришла светлая мысль – бежать через окно, благо первый этаж...

Вместе с тем как шумы стали стихать, сразу же подумалось, что страхи напрасны... и действительно боязни того, что его хотят убить, при дальнейшем осмыслении показались ему настолько надуманными, что он устыдился собственных подозрений, если не сказать трусости. И как бы в подтверждение правильности этих суждений шум как-то сразу стих, но тут по галерее прошел кто-то возле самой двери. Ему показалось что что-то случилось, а может быть просто готовились к отъезду. Видно барон не стал терять даже ночи.

Рено решил проверить так ли это, но прежде он как следует оделся, вложил шпагу в ножны и направился к двери. Выглянув в коридор и не обнаружив там ничего кроме темноты, решил направиться в ту сторону, где стихли шаги. Попад в Заднюю залу, увидел полосу света, лежащую на полу от приоткрытой двери.

Подошел поближе и заглянул: увидел господина д'Обюссона и старика Бертон, что-то ему расстроено говорившего.

Заходя во дверь Рено неожиданно для себя вздрогнул при виде крови на полу и лежащего раненного юношу, перевязываемого аббатом Витербо с помощью слуги.

– ...Я побежал на крик, сам стал кричать, – вздыхал горестно старик, со страхом поглядывая на неподвижное и бледное лицо. – А возле самого озера я увидел, как этот человек уезжает на лошади, а его я нашел вот таким, боже мой! Не приведи господь!... – запричитал он, не сдерживая слез от мысли, что может никогда больше не увидеть своего мальчика, которого растил и лелеял с детских лет, как родного.

Смолкнув Бертон стал вспоминать как осторожно, согнувшись в три погибели, тащил его по тропинке на спине; как встретил у калитки сторожа и приказал ему закрыть ворота как следует, и идти разбудить аббата Витербо, если тот уже спал... пред глазами явственно предстало все то, что делал, когда принес юношу сюда...

Рено подошел к барону д'Обюссону сзади, так же встав у края кровати, как и он глядя на бездыханное тело.

– Это сделал тот, кто следил за мной. – только и сказал он барону глядевшему на сына, быть может уже мертвого... как скажет аббат Витербо.

Думалось что вот она первая жертва... лежит с глубокой сквозной раной в плече, неподвижно, без признаков жизни; лежит как предупреждение, об опасности того пути, на который они встали, с которого еще можно свернуть, отдав злополучный документ преступникам.

Аббат Витербо имевший в медицине большие познания, после перевязки, чувствуя, что его слово с нетерпением ждут, начал давать осторожный диагноз:

– Я не могу сказать что-либо определенное сейчас. Его организм, молодой, крепкий, должен справиться. Он потерял много крови... вот что больше всего меня волнует, а рана сама по себе для жизни не опасна, жизненно важные органы не затронуты, но заживать будет долго. Я ее промыл, наложил корпию, чуть затянется, я ее смажу моим бальзамом... Аруэ, сходи принеси воды или молока... он в любой момент может очнуться.

– Я схожу! – вызвался старик Бертон и поспешно направился на кухню.

А аббат Витербо продолжал, как будто зная о планах барона:

– Пульс у него очень слабый, душа еле в теле держится. Его нельзя будет тревожить. Полный покой и недвижимое – вот что его исцелит если...

– Если?! – побледнел весь встревоженный барон.

Аббат Витербо не смог сказать о чем думал сразу, дабы не терзать своими словами отцовское сердце, давая время самому додуматься.

– Если он очнется. Неизвестно сколько он потерял крови? Забыть внушает мне опасения.

Бертон вернулся со стаканом воды и молока на подносе, на случай если оно тоже понадобится.

И понадобилось, после того, как первой дали воду. Налили сквозь зубы. Как будто пошло. Затем для поддержания сил так же влили молока.

Как они и ожидали, Франсуа подал признаки жизни шевельнулся, глубоко вздохнул, открыл глаза, застонал, но на этом все и кончилось. Снова забытье на несколько часов, а может быть и дней.

Теперь необходимо было выйти, создать полный покой, оставив больного с Бертоном. Аббат Витербо сразу направился к своей аптечке.

Аруэ было приказано убрать следы крови во дворе, протереть пол и... молчать насчет всего случившегося.

В данном положении, оставшись наедине с Рено, медленно шагая рядом по темной галерее, барон д'Обюссон мысленно обратился за поддержкой к нему, как к человеку здравомыслящему и разбирающемуся в этих делах.

– Вы думаете это удастся скрыть?

– Не думаю, – покачал головой д’Обюссон, – Ясно видно, они здесь, или скоро будут здесь, а раз уж о нас узнали, то спешить уже не имеет смысла.

– А я думаю наоборот, что его не зря подкололи. Послушайте меня, барон, хорошенько, они не здесь! Они пока не здесь! Так что здесь только тот, кто за мной следил. Один он погоды не сделает, тем более что ему еще известить своих нужно. И поэтому пока пути открыты, вам нужно рвать отсюда пока не поздно, а то ведь потом какую охрану не возьми, любая пуля кого угодно из вас, даже через обитую железом стенку достанет. Вы бы видели как они нагло напали на графа Саймона, которому я служил.

– Оставить его одного, в таком положении, я просто не могу, это против моих принципов. Я не могу рисковать его жизнью ни за какие миллионы!

– Да зачем он им нужен? Разве что в заложники, так вы оставите в замке надежную охрану. Да и при том, что они кинутся за вами вдогонку, а не штурмовать крепость. Если уж на то пойдёт, то недалеко отсюда Лимож. Осведомите начальника полиции чтобы он прислал солдат, а сами тем временем поезжайте спокойно. Оставьте все на аббата Витербо... на него можно положиться...

...А если вы останетесь, это засосет вас как болото. Соберут местное бандитье-камизаров и... я думаю, вам хорошо должно быть известно, что такое атака, или что такое палить замки? Они нас вместе с завещанием сожгут!

– Господин Рено, я думаю что вам, да и пожалуй аббату Витербо самим следует отправиться...

– Нет, нет, и еще раз нет! – перебил его Рено. – Никогда не доверяйте такие вещи никаким друзьям. Это ваше личное дело и вы не можете рисковать чужими жизнями. Вы получили этот документ и держите его всегда при себе, пока не засвидетельствуете его в высшей инстанции, самолично. Тем что вы будете действовать через кого-то, этим вы будете только усложнять дело.

– Я думаю вы тоже усложняете дело, дорогой господин Рено. Зачем далеко ездить когда можно все сделать через Лиможский суд, и даже получить право наследования; или того ближе сдать на хранение моему старинному другу, смотрителю королевского замка Гере.

– А вы уверены, что на посул пятизначного числа ливров можно не соблазниться? Зачем доверять провинциальным служакам, если через несколько дней документ можно будет заверить в парижском суде, а не среди родственников и арендаторов.

Рено еще хотел добавить, что уехав они отведут опасность от семейного гнезда, но видя что и без того убедил, промолчал.

Дойдя до спальни комнаты Рено, они расстались. Рено из чувства вежливости пожелал спокойной ночи.

– Да какой уж спокойной! – немножко неводержанно ответил барон.

На следующее утро Рено проснулся неожиданно рано, о чем свидетельствовали настенные часы, показывающие пол-шестого. Быстро одевшись и нацепив свою шпагу, теперь уже лежавшую на столе, поспешно вышел из спальни на прохладный двор, где всю кипели снарядительные работы.

Посреди двора стояли в ряд два громоздких рыдвана, и уже запряженный парой выносливых лошадок черный лакированный кабриолет.

Среди дворовых работников, начинавших подводить лошадей запрягать в рыдваны, можно было заметить слоняющихся пока без дела, деревенских парней, собравшихся группой у собачьей конуры, и развлекавшейся тем, что пинали друг другу перед носом собаки ее кость.

Рено посторонился, давая проход слугам, несшим дорожные баулы и чемоданы, укладывать их в багажники. Наблюдая за ними он снова встал на проходе и неожиданно почувствовал на своем плече чью-то тяжелую руку.

– А меня вы не хотите пропустить, господин Рено?

Рено обернулся и увидел аббата Витербо, шедшего сзади слуг, руководить погрузкой.

– О да! Конечно же, конечно! – отшагивая в сторону охотно согласился он.

Аббат Витербо, встретившись с ним, изменил свои намерения, остался на лестнице, откуда и за погрузкой можно было проследить, и поговорить с Рено, первым делом осведомившегося о Франсуа.

– Ему стало значительно лучше...

Затем разговор коснулся охранников, продолжавших забавляться от собачьего визга.

– И этим балбесам, увальням деревенским, доверили такое дело? Где это только таких жлобов раскопали? Куда смотрят рекруты, просто диву даешься.

– Да, эти края богаты на таких.

Последний хотуль был заложен, крышки багажников закрыты, ключи были вручены аббату Витербо и ему за неимением других дел ничего другого не оставалось больше делать как пригласить своего собеседника за стол, где можно было подробно разузнать о его планах.

Рено признаться думал, что по случаю отъезда будет одно общее застолье, где соберется вся семья и замковая челядь, но был не мало обескуражен, когда его привели на кухню / в столовой наскоро откармливали парней \ и там был усажен Бертоном за столик, накрытый на него и аббата. Торопиться конечно нужно было, но не до такой же степени!

Задав им работы главный кухар продолжил приготовления съестного на дорогу.

Во время застольной беседы Рено охотно поделился своими планами на счет того, что собирается поехать, помочь барону в его делах, собираясь отвести и повыгоднее вложить деньги месье де Жонзака. На его же вопрос, полный недоумения, почему такая спешка, аббат

Витербо, не желая говорить на эту тему в присутствии посторонних, сослался на известные причины, из-за которых сейчас...

...В покоях супруги барон д'Обюссон развернул кипучую деятельность по сборам в дорогу, неустанно поторапливая ее и служанок, готовивших дорожное платье и вещи, необходимые на дорогу в Париж.

После долгой процедуры одевания, баронесса наконец была готова, как и тюки, которые уносили слуги.

– Куда ты столько набрала! – выругался он беззлобно по-мужьи. – Ну ладно, пошли, там все уже давно готово!

– Как даже не позавтракав? Куда ты торопишься так?

– Люди уже устали ждать! Пойдем, в дороге поедем, в Гере пообедаем. Анжелика! – крикнул он на молодую служанку, привлекательного вида. – Что ты здесь копаешься?! Сходи к Бертону принеси в кабриолет еды!

Взяв с косметического трельяжа сумочку с драгоценностями и другими женскими вещами, все это поспешно передал супруге.

– Так, деньги взяла? А! Витербо уже... так ну все...

– Как все!? Нужно попрощаться!

– Какое там, им еще пять часов спать!

Но в это самое время как бы в опровержение его слов, в покои вошел дед, ведомый под руки теткой.

– Доброе утречко. Это что вы уже собрались ехать?

– Да-а. Чем быстрее со всем уладим, тем скорее поедем в Жонзак, а то лето закончится, – рассмеялся барон.

– Ну-ну, давайте.

Баронесса д'Обюссон подошла к отцу и сестре попрощаться. Расцеловались как положено, затем пошли во двор. За разговорами она пока не вспоминала о сыне, тем более что не видела его вчера с самого полудня, как он уехал на охоту. Пока все шло хорошо, в окружении многих, ничто не наталкивало ее на мысль о шевалье, как это часто в таких случаях бывает. «Скорей бы сесть в кабриолет, и тогда мы сразу тронемся», – только и думал д'Обюссон.

Скоро попрощавшись по второму разу и приняв от аббата Витербо кошель на сумму в три с лишним тысячи ливров, он поспешно залез вовнутрь, подбывая тем самым последовать его примеру и баронессу. Но баронесса д'Обюссон не торопилась, рядом стояло столько дорогих ей людей. Все слуги и люди в замке вышли их провожать, и поэтому она конечно же не спешила, с каждым находившимся поблизости прощаясь отдельно, отчего ему, усевшемуся в кабриолете

несколько минут назад, стало от этого неловко до такой степени, что он вылез. Еще раз стал пожимать на прощание руки, помахал на прощание рукой всем и со скрытым восторгом стал залазить во внутрь вслед за баронессой.

И тут произошло то, чего барон так опасался, чего никак не ожидал от деда, обычно всегда тихого.

– А что Франсуа-то не пришел, спит после вчерашней охоты? А ну, идите растолкайте его! – распорядился он.

Кто-то направился и тут глупейшим образом вступил Аруэ.

– Не вздумайте его толкать!

– И правда, где Франсуа? – спросила баронесса, ничего не заподозрившая из слов Аруэ.

– Я тоже не знаю. Наверное в гости к соседям на охоту подался, да так и не вернулся, – продолжал Аруэ, выдавая себя своим предательским тоном. Соврать тоже самое подтвердив его слова у д'Обюссона не хватило сил.

Баронесса д'Обюссон побледнела, почувствовав сердцем что-то неладное.

Барон решил что лучше будет сказать правду, как ни боялся он за ее слабое сердце и крутой нрав. Начал издалека.

– Знаешь, его вчера угораздило поранить плечо, – сказал он тихо, чтобы его слышали только в кругу своих. – Сейчас он еще спит, еще семь часов только... вчера поздно... – запнулся затруднившись подобрать слово относительно того как Франсуа прибыл, не желая в тоже время выдать волнение в голосе..., но баронесса, не слушая его, как подхваченная с места, уже направилась в сторону подъезда, куда пришлось устремиться за ней и ему.

Рено, прежде чем направиться вслед за ними, подумал: «Успеют они тронутся до восьми, или она вообще не поедет?» А направившись решил, что ему нужно бы поспешить, чтобы успеть попасть в комнату, в гущу событий, иначе ее заполнят, так что и не пробьешься. И чтобы успеть, он проворно работал руками, а главное ногами, и пробился в переднюю дверь галереи, куда никто не заходил, так как все устремились в главный вход.

Барон вел супругу за руку, стараясь успокоить от тревожений. В ту комнату они вошли, когда Рено был уже там и отнимал прильнувшую к больному Франсуа Анжелику, как-то уж очень близко к сердцу воспринявшую его неможное состояние, и то что он не может даже голову поднять.

– Что с тобой, мальчик мой! – кинулась баронесса к нему вся в слезах, вконец оттеснив Анжелику, нисколько не скрывавшую своих чувств, под смешки окружающих.

– Да не беспокойтесь, матушка, это пустяк, – правильно понял нужную политику потерпевший.

И хотя Рено хорошо укрыл, а вернее закрыл все бинты и повязки, баронесса все равно почувствовав запах, вскрикнула и схватилась за сердце.

Барон подумал, что Франсуа следует рассказать все как было, он и сам послушает и людей это насторожит. Того же хотели и аббат Витербо и Рено.

– ...Вчера вечером я охотился на уток, вдруг слышу кто-то по тропинке коня ведет. Сначала я подумал что это Бертон, а это оказался совсем не знакомый человек... Я спросил его, что его сюда занесло? А он говорит, что заблудился и спрашивает чей это замок? Ну я и сказал, что моих родителей. Он посмотрел что у меня в руках только незаряженный арбалет, сразу вытащил из-за пояса свою шпагу, я только и успел увернуться, стал отбиваться арбалетом, так он мне его в щепки разбил... сказал кончать сопротивляться, но я ему остатки в лоб запустил... Он закрывая лицо рукой кинулся на меня... воткнул клинок в плечо... – рассказывал Франсуа, чуть не потеряв спокойствие при воспоминании боли проворачиваемого в теле клинка, и особенно рези, от вынимания... – Потом я еще слышал крики Бертон, а этот человек охая сел на коня и ускакал.

Было понятно, не появившись Бертон в тот момент на тропинке, бандит не испугался бы и ничто бы не помешало ему до конца довести свое дело.

Но все, слава богу, так хорошо закончилось! Бертон благодарили, и Франсуа в том числе, что было для старика особенно трогательно.

Заслужил комплиментов от Рено и сам Франсуа:

– Отчаянный парень! Деревяшкой против отточенной стали отбил.

Сейчас барон уже никуда не торопился, наоборот тянул время с отъездом, давая баронессе успокоиться.

И стратегия удалась. Сначала она было засопровивлялась отъезду, но Рено и Франсуа тоже стали просить ее ехать и она в конце концов согласилась.

К пол-девятому попрощавшись по последнему разу и рассевшись, они тронулись.

Кабриолету было определено место в середине вереницы, между рыдванами, в каждом из которых находилось по четыре вооруженных, не считая кучеров, да еще двое на облучке и крыше кабриолета, вместе с вооруженным кучером и Рено внутри.

Тактика на случай вооруженного нападения с любой стороны: охранники выскакивают из своих рыдванов и стреляют из заранее заряженных пистолетов.

Проехав примерно шагов двести от ворот мостик через ров, повстречались с группой молодых людей, друзей Франсуа, которых барон считал еще юношами и никого не взял в свою охрану, сказав, что они нужнее здесь, а не в Париже.

Друзья Франсуа, дружно помахали в след пылящей вереницы и направились куда следовали – в замок.

Глава IV. Вьеннское совещание

Как только вереница из трех экипажей скрылась в густой дубраве, отстоящей на четверть мили от замка по ровному пространству, с ветвистого дуба, с которого это пространство хорошо просматривалось раздался свист, после чего из зарослей ветвей и кустарников, через кустарник к немного выдававшемуся от леса дубу выбежал белый конь, остановившийся под его кроной.

Как и следовало ожидать, с одной из нижних веток дерева сразу прямо в седло слез тот, кто свистел, и кто до этого с самого рассвета наблюдал за всем происходящим в этой местности. Проследив за отъездом его уже больше здесь ничего не интересовало и он охотно бросил свое занятие.

Усевшийся в седло был отнюдь не Гийоме, как следовало бы ожидать, а человек возрастом постарше – сорока, сорока трех лет. Нахлобучив на свои темные волосы шляпу, вынутую из кармана куртки, потому помаятую, застегнул куртку, вправил гачи коричневых войлочных штанов в голенища сапогов.

Будучи готовым тронуться в путь, он прежде всего внимательно глянул вперед, приглаживая рукой заросшее смуглое лицо.

На дорогу выехать не решился, отчего невольно причмокнув, надвинул шляпу на самые глаза и тронул коня обратно в лес. Вместе с тем и слишком сильно удаляться от дороги он не собирался, постоянно держа ее в поле зрения, дабы потом не столкнуться с ней, а главное, с вереницей экипажей, что имело бы для него печальные последствия.

Проехав очередное открытое пространство покоса, внезапно для себя оказался у реки, и найдя чуть ниже по течению широкое место с каменистым дном, вброд пересек ее. Далее проехав уже по той самой дороге, добрался до развилки. Левая дорога шла на другой берег реки и круто взбиралась на холм-стог, правая же шла по открытой равнинной местности на Гере, по которой ехала вереница, удалившаяся уже настолько, что была еле видна.

Посмотрев некоторое время вдаль, наездник круто завернул коня влево.

– Вот ежели ты до Лиможа к полудню уложишься, две меры овса получишь, – было сказано коню по-итальянски и так же темпераментно добавлено ударом плетки.

С большим трудом итальянец, к указанному времени подогнал своего ленивого коня к окрестностям Лиможа, прижатый рекой Вьенной к городским стенам и заставам, и заполненным обычными городскими кварталами.

Посчитав что он уже на месте, рассерженный и выведенный из себя итальянец посчитал, что в этом только его заслуга, решив оставить две меры овса за собой, чем прогневил провидение. Сбившись с пути, он долго петлял в одном и том же районе, никак не мог понять, что ему так усердно объясняют французы, пока наконец не наткнулся на одного сердобольного горожанина, который на вполне сносном итальянском объяснил, что нужно ехать по улице, которая на первый взгляд совсем не вела к реке и гостинице; почему он не смотря на объяснения до этого, ни за что не хотел им следовать, считая, что его не правильно понимают.

Пожав радушному горожанину руку и получив от него хорошее напутствие, итальянец в скорости оказался там, куда стремился, у таверны и в тоже время гостиницы, фасадом обращенной к реке.

Любой подъезжающий, будь то со стороны улицы или входа в гостиничный подъезд непременно был встречаем, выходящим навстречу швейцаром. Таким образом приезжему сразу представилась возможность далее впредь более не испытывать провидение и он заплатил за овес.

Устало поднялся на второй этаж, где все шесть номеров были превращены в общую казарму, что поставило вошедшего перед трудной дилеммой куда стучаться?

Решил сначала войти в ту дверь, откуда доносились знакомые голоса.

Резавшиеся в картишки Гийоме, Аньян и мужичковатый на вид Блене сразу же обратили на него внимание.

– О-о! Кого я вижу!...

– Один глаз... – не договорил Метроне от недостатка слов Гийоме в ответ, видя что тот начинает снова распаляться. Глаз его был закрыт тампоном черной материи и придерживался шнурком через лицо, давая повод итальянцу позлорадствовать над своим недругом, продолжая далее:

– Обрубком замочили. Карябаться не будешь, еще и на будущее пометил. Во-о, парень.

– Он мертв! Метроне!

– Он едет в Париж!

– Я все равно убью этого щенка. – прошипел Гийоме и идя на него с ножом, как будто хотел убить его!

– Ты здесь не ори! Люцифер... – и не успеет Метроне выскочить за дверь, то непременно был бы пригвожден к ней.

– Или он тебя. – шепнул в дверь, и через некоторое время добавил: – Волки драные.

Нечего и говорить что настроение у Метроне испортилось и не только от ножа, сколько от того что ему пришлось говорить всякую гадость, что потом его очень расстраивало.

Следующую дверь после стука не открыли, храп заглушил его и поэтому никто из троих «головорезов» не проснулся. Но к ним у него и не было никакого дела.

Еще одну дверь открыл беспрепятственно, но там никого не оказалось.

Метроне поздней ночью, разбуженным покидал гостиницу и потому все поперезабывал. Но далее плутать ему не пришлось, так как вышедший сеньор де Спорада, жестом показал следовать за ним.

Как всякий отличный слуга, Метроне сразу уловил настроение своего господина, что не смотря на выполненное задание, заставило забиться его сердце в тревоге... по известным причинам. В который раз он зарекался прекратить свое безобразие, когда ему казалось, как сейчас, что они выплыли наружу. Но и на сей раз его пронесло. Так как в номере кроме них находился еще один человек – Манден, личность для него в многом загадочная. И действительно, будучи человеком не богатым Манден, раскидывался деньгами, не имея полномочий руководил всем, даже самым Спорада. Какую практическую цель он мог извлечь для себя из всех их действий Метроне совершенно не понимал, однако подозревал в нем марионетку чужих интересов.

О том что было причиной беспокойств Метроне, объяснится много много после, а теперь он подробно начал объяснять Мандену сложившуюся ситуацию. Тем временем к ним вошли Гийоме, Аньян и Блене...

Что бы вывести читателя из недоумения, на счет того как могли вышеперечисленные лица еще прошлым вечером оказаться так близко от Обюссона, напомним, что Аньян отправляясь в дорогу был пьян и лишь кое-как благодаря растряске добрался до Ангулема. Дальше с ним невозможно было продолжать путь, следовательно нужно было отсылать обратно и это надоумило Гийоме на следующее: проследив когда Рено выехал в дорогу, вызнал у кабатчика, у которого тот отдыхал, куда собирался ехать его клиент. – на Лимож. Тогда Гийоме отослал Аньяна назад на дилижансе с запиской, в которой уведомил своих ехать в Лимож, и там собраться в одной из таверн на берегу реки, то есть во «Вьенне», если они конечно не потеряли надежд. Чувствуя, что Рено недалеко осталось ехать, Гийоме так и не смог решиться напасть на него, не имея огнестрельного оружия в руках.

Гостиница на берегу Вьенны имела большой плюс, что в нее, объехав городскую заставу можно было попасть ночью, что и удалось Гийоме, когда он вернулся обратно с подбитым глазом. Заместо него как вам уже известно, отправили Метроне, который отлично справился с возложенным на него делом, и в разговоре с Манде единственное какую допустил неточность, это приплел то, что юноша так же поехал.

Манде побледнел от недовольства, от чего скулы вытянулись и лицо еще больше стало похоже на лисье.

– Ты все испортил! – прозудел он на того, кого это касалось.

– Кто знает. – огрызнулся Гийоме.

– Зачем ты на мальчишку полез? Рено так в покое оставил!

– Тебе сосчитать скольких Рено зарезал!

Перебранку прервал де Спорада, спокойно заключив.

– Гийоме все правильно делал.

– Тихо вы, при открытых окнах орете. – сказал Аньян, двинувшись закрывать окно.

Еще раз гневно глянув на Гийоме, Манде вытащил из стола карту дорог Франции. Глянул на дороги идущие к Гере и от Гере.

– Они уже здесь. – ткнул пальцем. – Они поедут либо на Тур, либо к Орлеану, через Вьерзон.

– Узнаем когда будем проезжать через Гере.

– Э! Господа. – прервал ход их рассуждений Гийоме, – Осадите своих коней. Если вы собираетесь бросаться в погоню, то у меня просто нет слов что бы выразить вам свое восхищение вашей смелостью. Но, однако же, заметьте отнюдь не моей.

– Ты помолчи Гийоме, – прервал Аньян, – Им и без тебя тошно, – заткнулся и слинял подальше, когда де Спорادا гневно глянул на него. Манде так же сказал:

– Если ты не собираешься выполнять распоряжений, можешь проваливать, расплату получат за тебя другие.

– Давай поговорим, Манде, серьезно, что ты собираешься делать? Объясни всем.

– Объясняю, Гийоме, восхищаться тебе мной не придется, так же как и мне тобой. Человек ты я вижу впечатлительный, так представь. Едет экипаж. Ему навстречу выезжает, например, я. Останавливаю экипаж и протягиваю руку за... чем мне нужно.

– А еще два экипажа ты в упор замечать не будешь?

– Игнорировать... все, все, – снова заткнулся Аньян.

– Для этого я сейчас же еду в Обюссон. Остается подумать, где быть вам?

Де Спорادا обратил внимание Манде.

– Три дороги: Орлеан-Париж; Тур-Орлеан-Париж; Тур-Париж, так или иначе все проходят рядом с Орлеаном. Здесь находится трактир «Пивная бутылка», и места здесь хорошие. Это примерно четырнадцать миль.

– Хорошо. К вечеру следующего дня всем быть там! Поедем группами.

Гийоме оторвавшись от карты, проговорил:

– Я поеду пасти караван.

– У тебя это хорошо получается.

– Что бы еще лучше получилось, мне как минимум не нужно выезжать отсюда без денег.

– Обращайся к маркизу де Спорادا, я не могу рисковать.

Маркиз отсчитал сколько посчитал ему нужным.

У остальных загорелись глаза.

– Так, а где Блене?

– Рядом стоит, – ответил Мандену.

– Ты будешь со мной. Сейчас я тебе черкну записку, слетаешь в Ангулем и чтобы к вечеру был здесь.

Де Спорادا тем временем снабдил деньгами Аньяна, поручив ему привести троих головорезов к месту назначения.

– Подожди, Гийоме! – остановил его Манде. – Я у тебя все спросить хотел, как ты ранил его.

– Я не знаю, что этот дурак несет! – указывая на Метроне, проговорил Гийоме, – Я его насквозь продырявил, еще и провернул. Как после этого ехать можно, я не понимаю? Хочешь, слушай его! Я тебе говорю, что есть.

– Я тоже думаю, что доверься тебе на безоружного человека напасть...

С досады сплюнув Гийоме вышел, ненамного в этом опередив Аньяна.

Вскоре после того как четверо наездников, ведомые Аньяном, покинули гостинный двор, с него выехали еще двое итальянцев, но они Гийоме не интересовали и потому оставшись в своем укомном месте он дождался выезда последней партии.

Следить ему за Манде и Блене пришлось недолго, до почтового ведомства, откуда вместе с ними вышел и третий, как предположил Гийоме – нарочный. Поговорив со служащим немного, его отправили.

– Так, хитрый лис, ты что-то темнишь. Значит записка в Ангулем, не такая уж безделица, как ты представил в разговоре... Хотя в общем-то он и правильно делает. Что-то я вообще с ума стал сходить. Пойду-ка я промюю мозги добрым винцом, да сыграну разок.

Глава V. Разъезд

Вереница экипажей без опасных происшествий беспрепятственно добралась до Тура через четверо суток, даже немного больше, потому что когда въезжали, церкви отзванивали на мессу.

Барон д'Обюссон был этим крайне не доволен, ведь по его расчетам, въезд должен был состояться еще вчера, но из-за незнания дорог, характерных неисправностей с колесами и прочих разных задержек этого не произошло. Сейчас на отдохнувших лошадях они весь день неслись бы к Парижу, легко изыскав перекладных, и быть может к вечеру подъехали. Теперь предстояло обедать в гостинице, еще к тому же и размещаться, и вместе с отдыхом это заняло уйму времени.

Сладко засыпая послеобеденным сном он думал, что следившему за Рено человеку пришлось столько же времени возвращаться за остальными, пусть чуть меньше и примерно сейчас, когда они день-другой как находились там у Обюссонского замка, то только узнали о их давнем отъезде. Ему представился внутренний двор с вооруженными людьми под главенством аббата Витербо; Франсуа, значительно поправившийся от ранения, благодаря мазям и бальзамам и конечно же хорошему уходу. Снова подумалось: зачем он взял с собой столько охранников, оказавшихся только обузой, ведь они сразу по выезду оказались в пределах недосягаемости.

Конечно взять охрану было нужно, но не в таком количестве. Укоряя себя, барон не терзался, так как был спокоен за неприступности своего дома.

Далее продолжать путь с таким эскортом и въезжать с ним в Париж, было более чем глупо, один рыдван следовало отправить назад в дополнение к расквартированной там защите. Сейчас отдохнут и сразу же поедут...

Проснулся от того, что кто-то потряс его за плечо. Повернул голову, увидел: баронессу, Рено и Аруэ, что привело его в трепет.

– Что случилось? – прошептал встревоженный барон.

– Пока ничего. – услышал он голос, неказистого на вид маленького зачумленного мужичка, посмотря на которого не возможно ошибиться в том, что он принадлежит к братии романтиков с большой дороги, иначе говоря к разбойникам.

Его манера держаться и певуче-каркающий голос – истинно бандитский, выдавали Блене еще больше за оного.

– Но обязательно случится! – продолжал он с неожиданной горячностью, – А я не пожалел даже своей репутации... – тут он остановился, подумав что же такое сказал, затем продолжил о себе снова, рассказывая как трудно было пробираться в замок и обратно, чтобы сообщить о готовящемся нападении банды Керна.

– Так зачем же ты так рисковал своей жизнью? – спросил Рено.

– А деньги нужны были? – сам же и ответил. – Керн все только себе знал, а епископ дал, – вытащил, показал в руке полновесный золотой луидор старой чеканки, какие хранились у них в замке. – ...И барон, – кивнул на того, шмыгнувшим носом. – даст. – сказал так, как будто барону предстояло платить ему по вексям.

Блене ткнул пальцем на письмо, которое вытащил Аруэ.

– Вот здесь написано дать мне сто ливров, вот это письмо я вывез из замка.

– Ну и как же твой Керн собирается брать мой замок, лбом что ли? – спросил барон недоверчиво о главном.

– Э-э! Зря смеетесь, господин барон, у нашего главара всегда на этот случай пушечка припасена. Так что он ее ближе подтащил.

Рено подал знак войти двоим, стоявшим за дверью; на всякий случай.

– Так чего же он ждал?!

– В дуло ядра не подходили, как не пихали. Одно правда впихали, так еле обратно вытащили. Другие по калибру достать собирались или те, которые есть обточить. А после сразу всем вашим бастионам придет конец.

– Так зачем ему это нужно? – снова спросил барон. – сколько разбойничал, к нам не навещался, что же сейчас его надоумило?

– К нему один тип, с подбитым лицом приехал, денег много дал. Потом еще больше обещал, если де Обюссонов перебьет и замок сожжет. На этом он больше всего настаивал. А вы оказывается уже смотались.

– Аббат Витербо скрыл от него ваш отъезд, на случай если тот тип подослан, – вступил в разговор до этого молчавший Аруэ, – Вот его письмо для вас. – подал пакет.

Барон д'Обюссон быстро разорвал пакет, удостоверился прежде всего в почерке.

Без сомнений – ему писал аббат Витербо, почерк которого он хорошо знал.

Вот что оно гласило:

«Дорогой Роже-Паламед!

Не знаю дойдет ли до Вас сие мое послание, но надеюсь все же пишу, дабы известить Вас об опасности скорого нашего уничтожения орудием, к коему по всей видимости подыскивают ядра.

Сейчас когда вы в безопасности, прошу вас не за себя, а за Франсуа и за всех остальных, над которыми нависла угроза погибнуть в кошмаре каменных разрывов.

Отряда префекта Лиможа все нет и если судить по поведению бандитов, не будет. В ультиматуме, который они имели наглость послать, через Блене, говорилось, что Лиможский гарнизон срочно уведен в Испанию, а силами полиции префект не решится выступить.

Наглости бандитов нет предела. Окружили кольцом замок, деревню, повсюду на дорогах их засады.

А на дороге, где стоит пушка и палатка Керна, разбойников как будто поменьше. И вот если Вы с любым отрядом полиции через охотничью дорожку внезапно нападете, то мы так же поддержим и общими усилиями сможем пленить главаря. Укроемся за стенами, если банда сможет и без своего главаря продолжить осаду; но не думаю, что это возможно.

Посылаю свое послание с этим подозрительным типом, к тому же вымогателем, решившим умело подзаработать на нашем бедственном положении. Вручая ему в руки наши судьбы, молю Бога незаметно выбраться и догнать Вас, единственного нашего спасения.

Аббат Витербо».

P.S. В Лиможе он должен встретить Аруэ, отправленного с письмом к префекту.

Сомнений быть не могло, тем более у барона д'Обюссона, в отчаянии схватившегося за голову, повернувшего сначала к стонущей баронессе, затем к Рено.

– Господин Рено!...

В те старые добрые времена, в кои происходили следующие события, города подобные Туру во многом имели еще средневековый быт, выражавшийся в том, что осталось много одноукладных улиц, такие как улица Горшечников, Суконщиков, Бакалейщиков, Аптечная. Улица, где селились судейские чиновники, ростовщики.

Та же улица, где находилась известная нам гостиница, называлась «А ля Консьерж» и была улицей гостиниц и питейных заведений, расположенных обычно на первом этаже. Так что если кому хотелось посидеть напротив, или почти напротив какого-нибудь дома этой улицы, то можно было посидеть за столиком. А Манде необходимо было посидеть и понаблюдать за гостиницей «Кафе де Мона» и он, после трудной дороги уселся именно в таком месте, где сидеть не возбранялось, а сидящего обслуживали.

Поедая предложенное, Манде не без волнения наблюдал за интересующим его объектом. Есть, волноваться и ждать пришлось долго, так что все было съедено, а волнения после полбутылочки кисленького анжуйского прошли. Сидя, он чуть не оставил без внимания тот момент, когда во двор интересующей его гостиницы вышел барон со своими людьми, направившимися в конюшню.

Проследил как они выехали на двух рыдванах сразу, прогромыхав громоздкими колесами о брусчатку. Манде внутренне возликовал! Он добился своего, за это стоит выпить остальную часть бутылки из горла сразу. Но внезапно, недопив, откинул ее, крутанув головой в сторону, сникнув от одной только мысли, как ударом поразившей его: что барон увез завещание с собой и другой, что баронесса останется здесь и сейчас же обратится к нотариусу...

В то время как его голову посещали столь мрачные мысли, во дворе гостиницы нарисовалось еще трое молодцов с вещичками, которые они погрузили в черный лакированный кабриолет и укатили. Только их и видели, в сторону, обратную той, куда поехали рывданы.

Манде терялся в догадках: может быть он просмотрел выезд баронессы и она выехала вместе с бароном? Но тут же в опровержение он нашел несколько доводов и пока они ему приходили на ум, вышедший из гостиницы Блене был к нему уже на половине пути, подсчитывая по дороге на ладони свою выручку.

Блене еще только шел объяснять, но само то, что он делал по дороге вселило в Манде надежды на удачный исход дел.

В то время как Блене подходил, из гостиницы вышел Рено и не глядя на него направился куда-то пешком.

Вошедшему Манде указал рукой на буфет. «Ты свое получил сполна, так что раскошешься немного, мне сейчас нужно напиться».

Блене, на удивление, подсел с парой бутылок, а не одной.

– Тебе не кажется, дурень ты эдакий, что афишировать свою удачу не следует?

– А кто за мной может следить? Пусть следит, барон-то все равно уже уехал.

– Темный ты человек. интересно знать, почему тебя барон с собой не взял?

– Потому что темный я, – говорил Блене, наливая полные стаканы коньяка. – Темный и не бритый, сальный. – чокнулись – Так что его баронскому отродью не хотелось больше иметь с таким дело, Камизаром вонючим.

– Ладно ты, прекрати свои бунтарские штучки. Объясни-ка поподробнее как ты все-таки слинял оттуда, под каким предлогом?

– Ну что, я сказал что мне появляться в тех местах опасно, когда этот Рено за кулисами начал по новой расспрашивать и снаряжать меня вместе со всеми.

– В общем ты собирал все что под руку попадется? И они поверили в эту чушь?

– Насилу отбрехался.

– А Аруэ?

– Аруэ сказал все как положено... что префект его не принял, и ни кто другой так же.

– Остается молить бога, чтобы его нервы не сдали раньше времени. А что это те на кабриолете куда поехали, ты слышал, ты знаешь?

– Все слышал, все знаю. Они в Орлеан, через Блуа.

– Ну конечно! Без баронессы?

– Она поплывет по Луаре, а на причале они ее должны встретить.

– Значит через Орлеан?

– Смотри-ка кто?

– Куда смотреть? – спросил Манден.

– Вон, стоит у балюстрады.

– Точно, Гийоме! Без зазрения совести, стоит, наблюдает. Экономит на застолье.

– Пойти позвать?

– Зачем он нужен! Пусть следит за ней как положено. А мне нужно заняться кабриолетом. Ты бы купил еще пару пузырей, отличный коньячок. Он нам очень понадобится.

– О чем разговор! Обязательно.

Глава VI. Кровавая развязка

Местность, где находился трактир «Пивная бутылка» недалеко от главной дороги, по проселочной; как ее и рекомендовали была действительно тихой, малолюдной и как следствие лесистой. Спасало хозяина трактира два источника доходов: местные крестьяне из сравнительно близлежащей деревушки и приезжие, заезжающие во многом благодаря фактору закрытых на ночь орлеанских ворот, и так же благодаря столбику у обочины дороги, указывающему стрелкой на отходящую дорожку. В обратной стороне от стрелки на столбике торчал щит с надписью для тех, кто едет в Орлеан: «Приглашаем на пиво, отдых и все, чем богаты», и ничего не значащей надписью для тех кто следовал в Париж, но никогда не заглядывали; на другой стороне щита: «Трактир Пивная бутылка».

В этом отношении один из июльских дней выдался на редкость примечательным: с самого утра в трактир ехали и ехали со стороны Орлеана. И хозяин трактира это сразу же заметил по тем неприметным для простого глаза приметам, которые отличают приезжего проехавшего длинный путь, от проезжего проехавшего по пыльным дорогам, что называется всего ничего.

К таким проезжим относился и седьмой приезжий за этот день, – Гийоме, выехавший из Орлеана перед самым закрытием ворот и без труда по столбику отыскавший дорогу к трактиру. Обогнув лесок за которым он был скрыт, Гийоме окинул взором трактир, представлявший собою в то же время постоялый двор со множеством пристроек, еще видимым в пространстве, сгущающемся от ночной мглы.

Подгоняемый чувством голода Гийоме быстро покрыв это расстояние галопом на своем скакуне и облегченно отдал его в руки встретившего его работника. После сделанного дела он прибыл на место к своим.

Гийоме вошел в общий зал и увидел Аньяна, сидящего с головорезом, не обращая более на него внимание, уселся за стол, положив на скатерть обе руки, на вытяжку.

– Начальник! Тащи жрать! – крикнул Гийоме во все горло. – Я давно не ел.

– Вам чего? – спросил трактирщик, подавая исписанный листок, скорее всего меню.

– Нам всего! – прорычал на него Гийоме, за его непонятливость.

Человеку, который целую неделю перебивался корками хлеба подавай все, без гнусных расспросов: что именно, да в каком виде, они только оттягивают время.

– Отощал ты по дороге. – умиротворенным тоном заметил Аньян. – Где проигрался?

– Не где, а когда? – Сразу! Но игра зато замечательная, потом сыграем.

Вошел трактирщик, неся вместе с кухаркой различной еды. В таких случаях на стол всегда ставилось пиво, которое готовилось здесь же и им же из местного хмеля и хорошо росшего злака. Пиво получалось добрым, так что бочонки с пивом посылались обывателям в обе стороны дороги. Пивоварня мало-помалу стала основным источником доходов и благосостояния этой частицы страны.

– Икры принести? – спросил трактирщик и получил более чем утвердительный ответ из набитого рта.

– Все давай тащи!

Когда ужин Гийоме подходил к концу за окном во дворе они слышали конский топот и ржание. Кто-то из трактирной прислуги бросился к окну глянуть, но приехавшие уже входили через дверь вслед за трактирщиком. Ими оказались Манде и к вящему удивлению Аньяна и Гийоме – де Морне, которого они считали отравленным, хотя и подозревали в этом трюк.

– Трюк де Морне удался, а маркиза нет. – тихо проговорил Аньян.

– А в чем дело?

– А ты знаешь, мы только сегодня сюда заехали. Де Спорادا нас по дороге перехватил... Ну в общем Манде тоже хитрый лис. Я так подозреваю. Блене обоих их по паре раз друг другу заложил. Ну скотина! Ты видишь его нет здесь...

Трактирщик крутился возле приехавших, сбивавших пыль с высоких сапог с голенищами и прочих, преимущественно кожаных вещей.

– Господа вы очень меня простите, но покои вам будут отведены в комнате вместе с другим господином, и в смежной комнате с другими... господами. – все же решил назвать остальных так же.

– Что ты меня как дите малое настраиваешь. – недовольно проговорил де Морне, потребовав после то же самое, что некоторое время назад теми же словами требовал Гийоме.

– Уже несут. – продолжал трактирщик голосом, еще более услужливым.

Вошедшие заметив сидящих, поприветствовали их жестом руки и направились к Гийоме.

В дверях появился доселе отдыхавший маркиз де Спорادا. На его каменном лице при виде де Морне не выразилось ни одно из чувств, бурно клокотавшей досады, по случаю приезда наследника.

– Завтра в пять баронесса велела кучеру синего экипажа подъехать к ее гостинице. – ответил Гийоме на все вопросы одним разом.

В тот вечер собравшийся костяк банды наследника, в одной из двух смежных отведенных для них комнат закрывшись от головорезов озаменовал свой съезд и удачный ход дел хорошим запоем, но в меру, перед грядущим делом.

Пиво было отвергнуто. Его вообще тогда во Франции не воспринимали, если не сказать сильнее, не любили, предпочитая вино, даже если плохому. Так что трактирщику, очень недовольному таким оборотом дел, пришлось вытаскивать все самое лучшее из винных запасов. Но это вовсе не означало, что пиво являлось неудачной новацией... ибо испытать холодный солодкий напиток в летнюю жару – кому не захочется?

Итак, как уже говорилось: Гийоме, Аньян, Метроне и на другом краю стола де Спорادا, Манде и де Морне сидели за столом, поставленным на него двумя корзинами бутылок и множеством легкой закуски возле.

И какая попойка обходится без разговоров, тем более в такое для них время, когда обсудить кое-что было просто необходимо. И если сначала собутыльники лишь только переговаривались, то потом под воздействием зеленого змия разговорились, а Гийоме принялся играть с Аньяном и Метроне в ландскнехт по новому типу, коему сначала научил, прежде спустив на нем все что имел, в злосчастном лиможском кабаке.

Прежде чем играть всерьез, Гийоме раздавая предупредил что: кто будет мухлевать, будем бить по наглой белобрысой роже.

Естественно что азартная игра, хоть и по небольшой ставке в одно су, в дополнение к пенистому шампанскому, рубиновому кагору и бургундскому, вызывало у пьянеющей троицы взрыв эмоций и как следствие появилась потребность в анекдотах, в которых Аньян был особенно мастак и травил их по своей крестьянской природе очень умело и безумолку, так что это вызвало и Гийоме рассказать свой еврейский анекдот, в котором у Абрама на похоронах спросили: отчего у него теща умерла: – «Грибов обьяелась». После следующего вопроса выяснилось, что синяя она такая – потому что жрать не хотела.

Анекдот неприятно натолкнул де Морне на разговор о деле, на которое они здесь все собрались.

– Где головорезы? – спросил он у Спорада.

– Заперты. – неохотно ответил тот.

– А сколько их? – снова осведомился он, имея ввиду людей из Обюссонского замка.

– Понятия не имею, спрашивай у Гийоме.

Гийоме услышав что речь зашла о нем, сам предупреждая вопрос ответил на него де Морне.

– У нее Рено и еще двое из свиты, и еще должны прибыть трое на кабриолете.

Тут Манде поняв, что настало время сказать ему, не упустил момента:

– Этот кабриолет не прибует, я позаботился.

– Так их значит всего трое! – воскликнул Аньян, доселе считавший, что нападать так и придется, на прежнюю вереницу экипажей, будучи не в курсе дела.

– Ты что орешь, дурак! – осадил его Метроне стукнув кулаком по лбу. Еще более неприятно для Аньяна доставило выслушивать шипение Манде.

– Тебе что не говорили: мы здесь не одни?

В гостиничной части трактира они были действительно не одни. За стеной, а точнее за тонкой перегородкой в соседнем номере обретались граф де Гассе и граф д'Олон с общим слугой Баскетом.

Причиной того, что два великосветских льва решили уединиться в этой богом забытой местности, в более чем заурядном для них трактире, было желание друзей отдохнуть от праздной жизни на фоне природы и развеяться на охоте в лесу графа д'Олона, до которого было отсюда не больше лье.

Естественно охотников не могли заинтересовать все приезжавшие, и приезжавшие люди под плащами, под камзолами скрывающие свое вооружение, что невозможно скрыть от глаз таких бывалых вояк, коими являлись: мушкетер де Гассе – известная шпага во Французском королевстве, и силач д'Олон, любивший более стрелять, так как сражаться на шпагах с его могучей, как старая дубовая ветвь рукой, было убийственно и охотников на такое дело находилось мало, разве что неустрашимый де Гассе, противопоставлявший тяжелым молниеносным ударам, свою молниеносность в легкости движения, заходов, а главное точность ударов клинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.